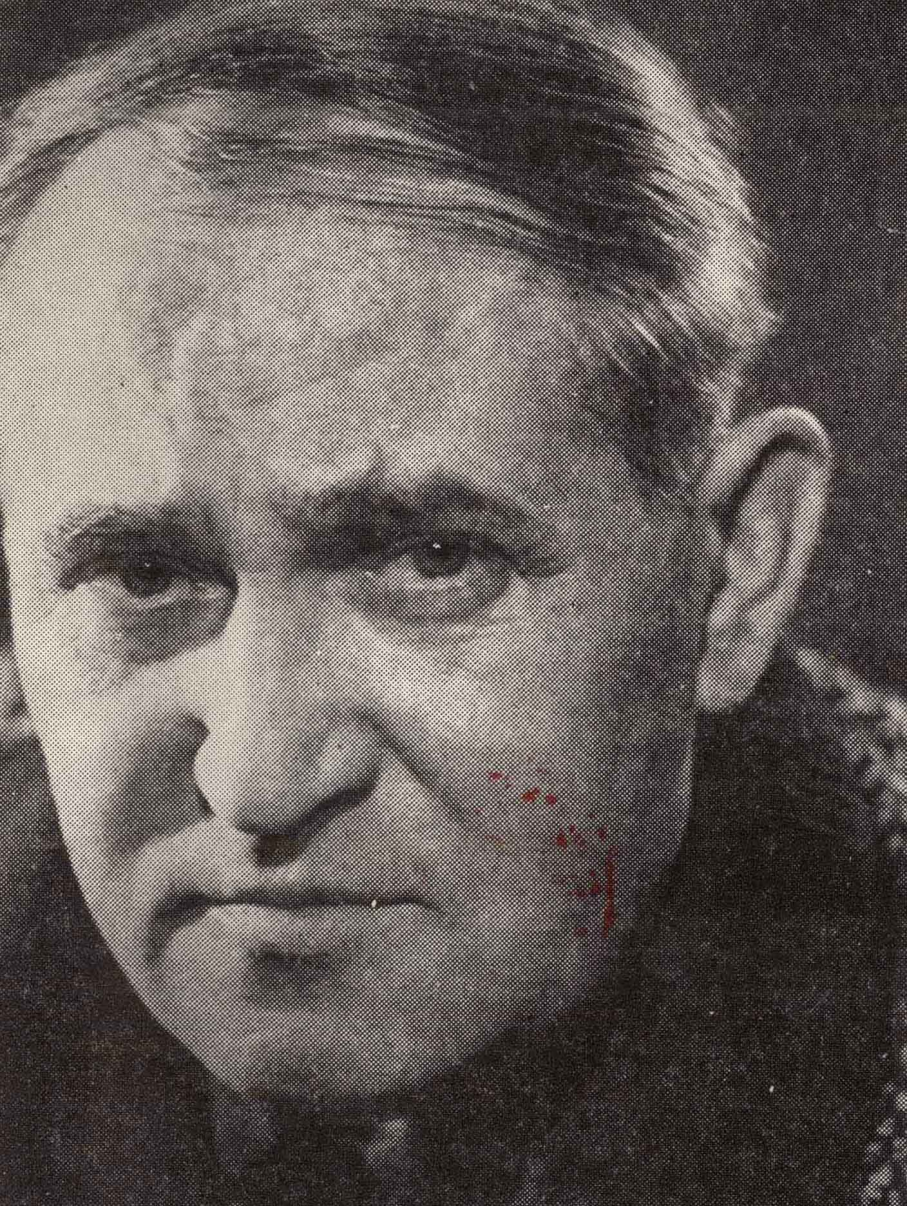

ВОСПОМИНАНИЯ

о Михаиле
Тихониче

СОДЕРЖАНИЕ

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ. Путь поэта.	3
СЕРГЕЙ НАРОВЧАТОВ. Честь смолоду.	12
КОНСТАНТИН СИМОНОВ. Было бы шестьдесят...	26
ПЛАТОН ВОРОНЫКО. Мы подружались в снегах Суоми	42
ВАЛЕНТИН ЛЕДНЕВ. Наш Кузьмич	54
ЮРИЙ ОКУНЕВ. Он так начинал...	81
ХАРИС ЯКУПОВ. Наш поэт.	95
МАРК СОВБОЛЬ. Правофланговый	101
КОНСТАНТИН ВАНШЕНКИН. Жизнь—в стихах	106
ЛЕВ ОЗЕРОВ. «Стихи дальнего следования»...	115
РАФАИЛ ДОРОГОВ. Луконин в Волжском	144
АБДИЛЬДА ТАЖИБАЕВ. «Мы дружбой перед будущим правы»	161
МИХАИЛ ЛЬВОВ. Поэт поколения	168
АЛЕКСЕЙ МАРКОВ. Михаил Луконин	182
ВИЛЬ ЛИПАТОВ. Луконин в Коктебеле	196
ИГОРЬ ШКЛЯРЕВСКИЙ. Слово о старшем друге...	200
АНАТОЛИЙ МЕДНИКОВ. Штрихи к портрету	204
ИОСИФ ГРИНБЕРГ. Достоверные чудеса	229

«ВОСПОМИНАНИЯ О МИХАИЛЕ ЛУКОНИНЕ»

СБОРНИК

Составитель Майя Луговская

М., «Советский писатель», 1982, 240 стр. План выпуска 1982 г. № 17. Редактор
О. В. Тимофеева. Худож. редактор Н. С. Лаврентьев. Техн. редак-
тор Г. В. Белькова. Корректор Ф. Н. Аврунина

ИБ № 3357

Сдано в набор 17.02.82. Подписано к печати 28.09.82. А 09182. Формат 70×108¹/₃₂.
Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 11,2.
Уч.-изд. л. 11,06. Тираж 30 000 экз. Заказ № 243. Цена 90 к. Издательство «Со-
ветский писатель». 121069, Москва, ул. Воровского, 11.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзпо-
лиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, поли-
графии и книжной торговли. 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3

ВОСПОМИНАНИЯ

*о Михаиле
с Дуконине*

СБОРНИК

МОСКВА · СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ · 1982

Сборник воспоминаний о Михаиле Луконине включает разнообразные материалы, с большой полнотой рисующие образ известного советского поэта. В очерках П. Антокольского, С. Наровчатова содержание поэзии Луконина раскрывается на фоне конкретных эпизодов из его биографии. К. Симонов углубляет этот анализ, обратившись к документам: он цитирует фронтовые письма и комментирует их. Воспоминания поэтов, среди которых К. Ваншенкин, А. Тажибаев, Л. Озеров, Мих. Львов, прозаиков Вилия Липатова и А. Медникова, критика И. Гринберга хорошо дополняют рассказы и свидетельства фронтовых друзей П. Воронько, Х. Якупова и земляков-волгоградцев Ю. Окунева, В. Леднева, Р. Дорогова.

Сборник воспоминаний дает представление о Михаиле Луконине и о целом поколении советских поэтов, шагнувших в поэзию прямо с фронтовых дорог.

Книга рассчитана на широкого читателя.

Составитель Майя Луговская

ХУДОЖНИК Ю Л И Я А Л Е К С Е Е В А

А. Павел
Андреевский

ПУТЬ ПОЭТА

Четвертого августа 1976 года внезапно ушел из жизни Михаил Луконин, поэт военного поколения, солдат Великой Отечественной войны. Известие об этом было ошеломляющим ударом в сердца нескольких поколений его товарищей и друзей. Прежде всего потому, что уж очень сильным, мужественным, здоровым казался этот человек, на редкость приспособленным к жизни, к действию, ко всякой работе. Он всегда находился в спортивной форме в самом прямом значении слова, а в юности был знаменит в Волгограде (тогдашнем Сталинграде) как отличный футболист.

Как будто это никак не относится к делу жизни поэта. Так нет же! Все в человеке органично связано одно с другим: игра — с жизненным призванием, призвание — с признанием, признание — с любовью к нему друзей.

Узнали мы его еще до Великой Отечественной. В 1940 году, только что вернувшись с Карельского перешейка, с войны, которая стала для него своего рода экзаменом на зрелость, в одной из аудиторий МГУ Михаил Луконин, прямой и стройный, смуглолицый, с вихром цыганских черных волос, читал стихи, посвященные памяти такого же студента Литинститута, не вернувшегося с финского фронта. Николай Отрада пал смертью храбрых. Эти стихи кончались так:

А если бы в марте,
тогда,
мы поменялись местами,
он
сейчас
обо мне написал бы
вот это.

Это был не только завет Луконина, обращенный к друзьям и товарищам, а нечто большее и более значимое. Он обращался ко всему поколению, ко всем советским людям. Завет — *помнить*. Чистота и в то же время ярость этой нравственной позиции не нуждаются в восклицательных знаках.

Поэзия Луконина — это редкий по прочности сплав многих руд, самых ценных в искусстве слова. Конечно, Маяковский значил для него очень много. Он организовал и ломаную строку, и прямую целенаправленность речи, и ее открытый поток. Правда, Луконина не поразили, не привлекли броские рифмы Маяковского, его внезапные метафоры. Он взял у старшего поэта главное: гражданственность, благодатный и оплодотворяющий настоящего художника демократизм. Такому демократизму он остался верен до конца своих дней.

Михаил Луконин остался верен и самому себе, своей поэтической и творческой природе. Верен коренным свойствам своей лирики. Он сторонится расплывчатых метафор, стремится к афоризму, к напряженной сжатости, к тому, чтобы вместить в строку и в строфу резко выраженную мысль.

После конца Великой Отечественной войны, когда заново отстраивался разрушенный Сталинград и заново строился в нем театр, Луконин хорошо сказал о будущих актерах этого театра:

Какие волнения им нужны,
какие нужны слова,
чтоб после подвига старшины
искусству
вернуть
права!

Права давно уже возвращены всем искусствам благодаря самоотверженной работе нескольких поколений советских писателей, художников, музыкантов. И совесть Луконина может быть спокойна: он тоже немало сделал за тридцать послевоенных лет.

Первые поэтические опыты Михаила Луконина относятся еще к середине 30-х годов, когда он начал печататься как член литобъединения при Сталинградском тракторном заводе. В 1938 году вышла книжка «Содружество», в которой наряду с Лукониным выступили еще три сталинградских поэта. «После этого,— пишет Луконин в своей автобиографии,— у меня вышла книга стихотворений — «Сердцебиенье». Не первая. Первая сгорела в августе сорок второго года под той самой бомбардировкой Сталинграда, которая оборвала жизнь моей матери. Книга была в типографии, листы ее разнесло горячим ветром взрыва. Много лет спустя одной из своих новых книг я подарил название той, первой,— «Стихи дальнего следования».

Нам незачем отделять Луконина от той поэтической среды, с которой он сразу после войны сросся и сроднился. Это произошло, естественно, после Первого совещания молодых писателей в 1947 году. Мне посчастливилось руководить как раз тем семинаром, где встретились Луконин и Недогонов, Межиров и Гудзенко, Орлов и Максимов, грузины Нонешвили и Маргиани, армянка Капутикян и азербайджанец Зюбов. Это была группа сильная и сплоченная. Они оказались близки друг другу творчески и духовно. Особенно сблизились Луконин, Гудзенко и Межиров. Их объединяла напряженная память о войне, весь строй творческого мышления, поэтическая ориентация в последовавших послевоенных событиях. Увы, Гудзенко очень рано скончался после тяжелой болезни. Но память об этом чудесном юноше еще больше сплотила его друзей.

Немалую роль в судьбе младших товарищей сыграл Константин Симонов. Дружба свела Луконина со Смеляковым, Наровчатовым, Дудиным... Это надо помнить, что-

бы оценить счастливое окружение Михаила Луконина, понять, как прочно врос он в жизнь и нашу поэзию.

Мое желание — показать Луконина в окружении этих разных, но одинаково близких людей — продиктовано другим, еще более страстным желанием, еще более властной потребностью. Речь идет о том, чтобы увидеть его в живой атмосфере наших дней. Увидеть — это значит и посильно воскресить друга. Дать ему второе, а если понадобится, то и третье, и четвертое дыхание. И пусть оно, это живое дыхание, будет рядом с нами, а потом воплотится в школьных хрестоматиях и поэтических антологиях.

Вспоминается блоковское: «Нет пути — нет поэта». У Михаила Луконина был свой путь. Оглядываясь на этот путь, поражаешься тому, как органичен был рост его как поэта и деятеля нашей культуры. Признание пришло к нему скоро и вполне заслуженно. Его знали, ценили, любили и читатели, и друзья-поэты. Выражением этого общего признания стали две Государственные премии СССР — за поэму «Рабочий день» в 1949 году, а в 1973 году за книгу стихов и поэм «Необходимость».

Его поэзия до предела нагружена правдой и всегдашней спутницей правды — *совестью*. Совесть в русском языке соседствует с *добросовестностью*. Вот две спутницы поэта — его музы. Лучших и не придумаешь, хотя они не значатся среди девяти камен по классическому счету. Они типично русские и близки лермонтовской музы.

Надо сказать прямо, Михаил Луконин, так же как и все поколение, прошедшее войну, был нравственно честен, так что никакие «ослепления мысли», отвергнутые когда-то Лермонтовым, не коснулись его, да и не могли коснуться юноши, воспитанного в здоровой атмосфере Сталинградского тракторного. Завод был своего рода Царскосельским лицеем для поколения Луконина, так же как и армия, как война и фронт.

Обращаясь к поэме «Рабочий день», к первому крупному произведению Луконина, прочно вошедшему в память и сознание стольких читателей и заслуженно при-

знанному нашей общественностью, воочию видишь, как рос в рабочем, заводском строю герой поэмы (как бы двойник автора), какие прекрасные сверстники окружали его, как тянулась к свету, к познанию мира и себя вся эта человеческая поросль!

Михаил Кузьмич Луконин родился 29 октября 1918 года. Он не дожил до своего шестидесятилетия. Но я снова и снова вспоминаю те памятные дни, когда Луконин только что вернулся с фронта, был полон физических и душевных сил. Молодой поэт обратился однажды к любимой с такими словами:

Ты прости меня, милая.
Ты мне жить помоги.
Сам шинель я повешу,
сам сниму сапоги.
Сам тебя поведу,
где дома и гроза.
Пальцы в пальцы вплету,
и глазами — в глаза.

Я вернулся к тебе,
но кольцо твоих рук —
не замок,
не венок,

не спасательный круг.

Это слова нежные, но в то же время гордые. Да, глаза впились в глаза, пальцы сплетены, но кольцо женских рук не замкнуто, ничего не венчает и никакого спасения не обещает. Мужская отвага отвергает любую помощь, даже помощь любимой. Но ведь и любимая героя — это живой современный человек, она и горда, и, главное, самостоятельна.

Таким своего рода скальдом предстает нам Михаил Луконин в годы своей молодости. Это была настоящая молодость его трудовой жизни, и ни в чем не обманула она самого поэта, его друзей и его читателей. Все здесь было хорошо слажено и пригнано одно к другому.

А вот еще одно сильное свидетельство нравственной си-

лы Луконина. Стихотворение называется «Мои друзья». Все происходит в госпитале. Рядом с автором — раненые, гораздо серьезнее пораженные войной, чем он, — слепые, безрукие. Все они жаждут связаться письмами с любимыми девушками и женщинами. Автор советует им обратиться за помощью к сестрам милосердия. Но товарищи просят его самого. Он отговаривается — дескать, «слов не знаю». Однако настоятельность этих просьб сама говорит за себя. Луконин тонко и патетически показывает, что его согласие помочь было неизбежным, было своего рода социальным заказом: так могли бы обратиться к нему не только соседи по госпитальной палате, но сотни и сотни товарищей по военной судьбе. Да, поэт вспоминает: «Госпиталь. Все в белом. Стены пахнут сыроватым мелом». Но дальше вот что сказано:

Друзья, где вы? ..
Светает у причала.
Вот мой сосед дежурит у руля.
Все в памяти переберу с начала.
Друзей моих ведет ко мне земля.
Один мотор заводит на заставе,
другой с утра пускает жернова.

А я? ..
А я молчать уже не вправе.
Порученные мне горят слова.
— Пиши! — диктуют мне они.
Сквозная
летит строка.
— Пиши о нас! Труби! ..
— Я не смогу!
— Ты сможешь!
— Слов не знаю! ..
— Я дам слова!
Ты только жизнь люби!

Стихи написаны в 1947 году, тридцать лет тому назад. Казалось бы, срок исторически не такой уж долгий. На самом деле он огромен. Каждому из нас, советских людей, дался он не легко и не просто, и нашему другу Михаилу

Вечный и непрестанный зов совести: «Помни» — в каждом откликается по-своему. А Михаил Луконин, как мы видели, с первых же шагов в поэзии откликнулся на этот зов стихами, которые запомнились всем. Такая верность прошлому равносильна служению самой поэзии. Она не только *этична*, но и *поэтична* по-своему.

И вот еще один трогательный образец памяти поэта. В июне 1975 года Луконин находился в Берлине. Эта жизненная случайность оказалась чреватой для него воспоминанием о молодом солдате Плехотине, погибшем 1 мая 1945 года и похороненном в берлинском парке Белью. На стихи об этом, опубликованные в газете «Известия», откликнулся отец павшего смертью храбрых юноши. Ответ отца, гвардии майора Плехотина, ныне полковника в отставке, а также стихи Луконина были вновь напечатаны 29 июня 1975 года в газете «Алтайская правда», когда поэт ездил в творческую командировку в Барнаул. В этом случае Луконин важен и нужен нам, его читателям, может быть, больше не как поэт, но как человек, гражданин, патриот, верный дружбе, верный своей памяти.

Михаил Луконин преданно служил поэзии. За сорок лет творческой работы у него вышло около тридцати книг стихов. В послевоенные годы было написано несколько больших поэм, и среди них такие монументальные вещи, как поэма о войне «Дорога к миру», поэма о молодом современнике автора, о его героическом времени — «Признание в любви». И наконец, Луконин опубликовал книгу, как он говорил, «о взглядах на жизнь, о дорогах, о поисках себя в поэзии и поэзии в себе», книгу прозы о поэзии — «Товарищ поэзия».

Поэт писал о себе в автобиографии: «Можно сейчас перечислить дороги послевоенных лет, книги стихов и поэм, можно назвать друзей по именам — они заслуживают этого. Надо бы сказать о том, какое счастье жить в поэзии, жить поэзией, иметь друзей и быть другом. Все это есть в стихах и поэмах».

Боюсь, что я слишком перегрузил свое вступление ци-

татами. Однако тут ничего не поделаешь! Моя задача состояла в том, чтобы показать Луконина в движении, в росте, внутри истории. Этот портрет сам движется. Только так и следует говорить о поэте, о человеке искусства, тем более если он твой друг и столь многое связывало тебя с ним в течение по меньшей мере тридцати, если не сорока лет.

Коротко же — пусть вечно продолжается жизнь Михаила Луконина на нашей благодатной земле, в памяти растущих поколений, в силе и славе русской поэзии и советской культуры.

1977

Сергей
Наровняев

ЧЕСТЬ СМОЛОДУ

С Михаилом Лукониным наши пути шли долгие годы рядом, сходясь и перекрещиваясь при таких обстоятельствах, что нарочно не придумаешь. Даже в пределах общей судьбы поколения такие совпадения и сближения почти невозможны. Но факты остаются фактами. И факты эти интересны и значительны не только для нас с ним, а, пожалуй, и для других.

Беглый взгляд на совпадения и сближения вызывает запоздалую улыбку. словно перед тобой зеркало, в котором видишь самого себя — молодого, зрелого, постаревшего, рядом с таким же молодым, зрелым, постаревшим товарищем. Скорее, конечно, это кадры киноленты, начавшей крутиться еще в конце 30-х годов и продолжающей пока что проецироваться на экраны. Сохраню на мгновение улыбку и вспомню, что примерно сорок лет назад на Садовом кольце был кинотеатр «Экран жизни». Сейчас такое название выглядит несколько безвкусно, но, как говорит один мой знакомый, что-то в нем есть. Так вот, наша кинолента проецируется именно на экран жизни. Самый что ни на есть доподлинный.

Жаль, не были тогда в ходу портативные киноаппараты. Вот бы посмотреть сейчас, как мы выглядели в те времена! Впрочем, Луконина образца 40-х годов я помню хорошо. Внешность и стихи его решительно совпадали. Им была свойственна та мягкая угловатость, что в повседневно-

ности безотказно действует на женщин, с трибуны на слушателей, с книжной страницы — на читателей. Угловатый, поджарый, стремительный, с явной калмытчиной скул и глаз, он был плоть от плоти людей волжской вольницы, щедрой, широкой, безоглядной. Позже, конечно, все мы менялись, и Луконин в том числе, но основу переменить было нельзя, и, быть может, в этом-то и заключалось наше счастье.

Просмотрим несколько кадров. Экспозиции, которой бы хватило на повесть с продолжениями — довоенные поэтические вечера, финская кампания, Литинститут, истребительный батальон, — касаться не будем. Объектив сразу на заснеженное поле под Негиним. Это 10 октября 1941 года. Первый мокрый снег упал на Брянщину, и на нем наши шинели выделяются как напоказ: бей не хочу! И по нас бьют, прицельно, не спеша, на выбор. Попытка прорыва не удалась, и мы, отстреливаясь, отходим от сожженной деревни к темнеющему впереди лесу. Только бы до него добраться! Наискось от меня — Луконин. В одну из секунд вижу, как сбоку из-под хлястика у него летит вверх кусок сукна. Мишка вгорячах не замечает ранения — в лесу после разберется. Слышу звонкий удар по каске — пуля срикошетила, пошла мимо.

Слышала бы ты — ознобом по коже
пули о каску стальную стук.
Имя твое, словно имя божье,
младший твердил политрук.

А тут из-за ближней кочки выкрик: «Умираю... партбилет — комиссару». И ты под пулями ползешь к смертельно раненному товарищу, расстегиваешь карман гимнастерки, вынимаешь красную книжку.

Последние десятки метров нет уже мочи перебегать и падать, наплевать на все, встаем и, просвистываемые пулями, в рост уходим из-под выстрелов. Через десяток-другой минут у зажженного костра сидим среди однополчан. Теперь мы окруженцы и нам предстоит пройти 600 верст.

пока мы не минуем вражеские посты. И все шестьсот — шаг в шаг, плечом к плечу с Лукониным. В своей поэме «Дорога к миру» он опишет этот страдный путь, и один из героев ее будет носить мое имя.

Бои под Ельцом, Ливнами, Верховьем — вместе, а потом весной меня посылают на политкурсы в Иваново. Луконин тоже не пропустит их, но после меня. Нас раскидывает по разным концам фронта. Он — под Сталинградом, я — под Ленинградом. И вот следующий кадр: весна 1945 года.

Велением судьбы и Ставки наши армии — одна с севера, другая с юга — сходятся на немецкой земле. Сходимся и мы вопреки всякому вероятию, по одной из тысяч возможностей. После штурма Данцига временная передышка. Я еду к Луконину. Три дня стихи и песни. Он дарит мне фотографию со знаменательной надписью: «На земле тех, которые так хотели убить нас».

Побежденный фашизм и освобожденная Германия. Участниками победы и освобождения встречаем конец войны. Меня демобилизуют позже Луконина. И в июле 1946 года на вокзале среди встречающих я вижу его серую кепку. Выступаем на одних вечерах, печатаемся в одних журналах, выпускаем книги в одних издательствах. Листаются не только книги, а годы. Далеко позади молодость.

И вот еще один кадр: самолет между Новым Орлеаном и Лос-Анжелесом. На соседних креслах, коротая время, год за годом перебираем мы всю нашу жизнь. Здесь, в служебной поездке, самый раз оглянуться на свой путь, так непохожий на пути наших соседей по самолету. И память снова возвращается к Негину, заснеженному октябрьскому полю на Брянщине...

Известность раньше всех в нашем поколении пришла к Луконину. Впечатлительный до страстности, он первым выплеснул из сердца увиденное и пережитое в финских снегах. После долгого перерыва — со времен гражданской! — это оказались первые солдатские стихи о войне. На финском фронте побывали поэты старше и опытнее нас,